

### ### Глава 34. Ян из рода Железного Сердца

В этот момент Хун Цигун словно очнулся и повернулся к девушке в алом:

— Малышка Му, тот парень оставил в вашем курятнике немало серебра. Но теперь Старому Попрошайке кажется, что эти деньги всё же стоит ему вернуть.

Все, кроме самого Лин Юя и Фэна, который уже обо всём догадался, были не на шутку удивлены. Му Няньцы мгновенно смутилась.

— Простите, — неловко произнесла она, глядя на Лин Юя. — Я обвинила вас, не разобравшись в деле.

Лин Юй не удивился тому, что Хун Цигун всё видел. Он ещё в тот момент, когда использовал технику лёгкости, почувствовал чьё-то присутствие, но, привыкший к подобному вниманию, не стал подавать виду.

— Пустяки, — мягко ответил он. — Мне и впрямь стоило дождаться вас и купить птицу лично.

— Меня зовут Му Няньцы. Могу ли я узнать ваши имена? — спросила девушка, желая сгладить неловкость.

«Му Няньцы...» — Лин Юй едва заметно улыбнулся. Услышав, как Хун Цигун к ней обращается, он уже заподозрил неладное, и теперь его догадка подтвердилась. А раз здесь она, значит, и Му И где-то поблизости.

Прежде чем Лин Юй успел открыть рот, Хуан Жун поспешила ответить за всех:

— Его зовут Лин Юй, а я — Хуан Жун, — она указала на стоящего поодаль телохранителя. — А это Лин Фэн.

Хун Цигун, казалось, озадачился их именами и прямо уставился на Лин Юя:

— Значит, твоё имя не Юэ? Разве прямые потомки Чу Юньюэ не должны носить этот иероглиф в имени?

Вопрос прозвучал скорее как размышление вслух, и Лин Юй оставил его без ответа. Глядя на погрузившегося в думы Седьмого дедушку, юноша лишь загадочно улыбнулся. Он никогда не слышал о Чу Юньюэ, но по поведению и словам Хун Цигуна было ясно: этот человек — предок Лин Юэ, выдающийся мастер прошлого. Возможно, его мастерство даже превосходило Пять Непревзойдённых. Однако Лин Юя заставило задуматься другое: неужели его боевое искусство настолько характерно, что Хун Цигун с первого взгляда записал его в потомки этого мастера?

Внезапно порыв ветра донёс густой, дурманящий аромат. Хун Цигун завертел головой, выискивая источник, и обнаружил Хуан Жун у ручья. Она уже вовсю жарила на углях несколько крупных, жирных рыбин.

Вскоре девушка подошла к ним с угощением. Почти всё она отдала старику, оставив лишь одну рыбку себе. Хун Цигун, не в силах больше терпеть, принялся за еду, то и дело издавая восторженные возгласы.

Хуан Жун протянула последнюю рыбу Лин Юю и как бы невзначай спросила:

— Седьмой дедушка, а тот Чу Юньюэ, о котором вы говорили... это не тот ли мастер, что когда-то участвовал в битве на горе Хуашань?

Отец часто говаривал ей, что в мире боевых искусств дурного куда больше, чем хорошего, и девицам такие речи слушать не гоже. Но вот историю об этом человеке он поминал не раз.

Лин Юй с мягкой улыбкой покачал головой, отказываясь от рыбы:

— Благодарю, но лучше съешь её сама. Ты ведь проголодалась ещё утром.

Хун Цигун, уже расправившийся с уловом, отхлебнул из своей тыквы-горлянки и расхохотался:

— Так ты, малявка, дочка Старого Еретика Хуана! Верно, это тот самый Чу Юньюэ.

Лин Юй не был безразличен к делам Цзянху, ведь вольные мастера часто становились угрозой для спокойствия Государства Цзинь. Раз он не знал этого имени, значит, о Чу Юньюэ ведали лишь избранные. То, что Хун Цигун так легко узнал Хуан Жун, не видел её в бою, его не удивило.

Сама же Хуан Жун, тронутая заботой Лин Юя, не обиделась на его отказ, но крайне изумилась прозорливости старика:

— Как вы узнали, кто я, дедушка?

Хун Цигун лишь хмыкнул. Кто ещё в боевом мире, кроме дочки Хуан Яоши, мог носить фамилию Хуан и знать о Чу Юньюэ? К тому же, в чертах её лица явно проглядывало сходство со Старым Еретиком.

Небо начало быстро темнеть. Понимая, что Хуан Жун вряд ли сорвётся в путь сию минуту, Лин Юй нахмурился. Раз уж он пригласил её в поместье, бросать гостью на полпути было бы верхом невоспитанности. Но если он задержится ещё дольше, отец начнёт всерьёз беспокоиться.

— Фэн, — негромко позвал он, пока Хун Цигун и Хуан Жун были увлечены беседой. — Возвращайся в Поместье князя Чжао. Передай Ванье, что я задержусь, пусть не волнуется.

Когда Фэн ушёл, Лин Юй заметил, что Му Няньцы всё ещё здесь. Он не был тем настоящим Ваньянь Каном из легенд, не питал к ней чувств, а скорее даже тяготился её присутствием — ведь там, где она, там и Му И, а значит, и лишние проблемы. Тем не менее, он вежливо улыбнулся ей, извиняясь за долгое молчание.

Девушка, словно отблеск заката коснулся её лица, густо покраснела и отвела взгляд.

— Куда это парень сорвался? — любопытствовал Хун Цигун, заметив исчезновение Фэна.

Лин Юй учтиво поклонился:

— Я побоялся, что отец будет переживать, вот и отправил слугу предупредить, что вернусь позже.

Старик снова рассмеялся, довольно потирая бороду:

— А ты мне нравишься, парень. Характер у тебя что надо!

Хуан Жун, которая покинула родной дом после ссоры с отцом, при этих словах помрачнела. Хотя Лин Юй своими речами уже немного унял её печаль, мысли о доме всё равно отозвались болью. Она отсутствовала уже много дней — неужели отец и вправду волнуется за неё так же сильно, как Ваньянь Хунле за сына?

Лин Юй по её лицу легко угадал эти мысли. Он не был из тех, кто бросается утешать, да и близости между ними для этого не хватало. К тому же, он и сам едва справлялся со своими чувствами. Даже в этой жизни он держался на расстоянии от матери, Бао Сижо, чувствуя, что в её сердце он — лишь тень её прошлого мужа. Пожалуй, единственным человеком, кто искренне любил и ценил его в этом мире, был именно Ваньянь Хунле. И в этом плане они с Хуан Жун были в разном положении: Хуан Яоши обожал дочь, а вот для матери Лин Юя он, вероятно, был лишь случайной деталью её трагической судьбы.

Он горько усмехнулся про себя. Что-то сегодня его тянет на философию. То ли близость к месту, где в двадцать первом веке стоял его дом, тому виной, то ли он и впрямь нашёл в этой девчонке родственную душу?

В этот момент слышались шаги. Из сумерек вышел немолодой мужчина, на чьём лице жизнь оставила глубокие следы усталости и печали. Му Няньцы вскрикнула:

— Отец? Почему ты здесь?

«Отец?»

Лин Юй застыл. Перед ним стоял Му И, он же Ян Тесинь — биологический отец этого тела. Но юноша знал: он никогда не признает этого человека. С самого первого дня он решил, что его единственным отцом был и останется Ваньянь Хунле. Он не был ни Ян Каном, ни Ваньянь Каном — он был Лин Юем, чья душа просто заняла эту оболочку. И за те четырнадцать лет, что Ванье растил его, окружая безграничной любовью и заботой, он стал ему родным по-настоящему. Этот же человек был для него совершенным незнакомцем, чьё появление несло лишь угрозу его дому и его отцу.

Му И подошёл к дочери и достал из-за пазухи слиток серебра — тот самый, что оставил Лин Юй.

— Я нашёл это в курятнике, — сказал он. — Для одного петуха это слишком много. Я увидел, что ты долго не возвращаешься, и решил, что ты нагнала того человека. Пришёл, чтобы вернуть лишнее.

Му Няньцы протянула серебро Лин Юю, но тот лишь покачал головой:

— Я взял вашу птицу, и эта плата — в самый раз.

— Но вы же к ней даже не притронулись, — возразил Му И.

Хун Цигун при этих словах кашлянул, чувствуя себя неловко — ведь петуха в одиночку слопал он сам. Покопавшись в складках одежды, он выудил несколько серебряных метательных снарядов и протянул их девушкам:

— На днях встретил каких-то драчунов, так они, представьте, кидались серебром! Я подобрал парочку. Возьмите, поиграйте, а если прижмёт — на еду сменяете.

Хуан Жун, наблюдавшая за встречей Му И и его дочери, окончательно пришла в себя:

— Петух и впрямь был не наш, да и рыбу мы просто в ручье наловили. Раз уж Седьмому дедушке так понравилось, я приготовлю ещё пару своих коронных блюд, чтобы вы могли оценить моё искусство.

Вернуть деньги так и не удалось, а принимать подарки от Хун Цигуна Му Няньцы не решалась. Она стояла с пылающими щеками, украдкой поглядывая на Лин Юя.

— Этот господин уже купил ту птицу, — тихо проговорила она. — И даже если бы нет, я не могу принять такие дары от вас, дедушка.

Хун Цигун смутился ещё больше.

— Ох и задача... Старый Попрошайка привык к обедкам, а тут — целый пир! Как же мне отплатить за такую доброту?

<http://bllate.org/book/17543/1706462>